

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Веселова Федора Никитовича на тему: «Лицевые списки Сказания о Мамаевом побоище XVII-XIX вв. в музейных и библиотечных собраниях», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 24.00.03. – «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов»

Значение Куликовской битвы в культурной памяти русского народа не подлежит сомнению. Тем большего внимания требуют источники, на основании которых восстанавливается не только исторический ход событий, но и произошедшая постепенно трансформация некоторых реалий XIV в. во вневременные символы, отражающие восприятие позднейшими поколениями всех обстоятельств знаменитого сражения между коалицией русских князей во главе с Дмитрием Донским и войском татарского темника Мамаю. Из всего цикла произведений, посвященных Куликовской битве (Краткая и Пространная летописные повести, «Задонщина», «Слово о житии и преставлении» Дмитрия Донского), «Сказание о Мамаевом побоище» является самым детализированным и художественно законченным. Склонность прямо проецировать на действительность все, о чем повествует Сказание, всегда был велик, лишь в последнее время в историографии стала отчетливо преобладать реалистическая тенденция. Сказание теперь обычно датируют XVI в., довольно сдержанно оценивая его достоверность, - мнение, к которому присоединяется и автор диссертации, подкрепляя свой вывод собственными выкладками. Миниатюры, иллюстрирующие Сказание и рассматриваемые в диссертации, естественно, не могли быть созданы прежде появления текста. Редукция археологической значимости произведения не лишает его ценности в пространстве музея, роль скоро задачей исторического музея является консервация не одних предметов, но и их функции на всем протяжении национальной истории (ср. с. 172). Отсюда явствует значимость заявленной в диссертации темы для развития музейного дела.

Посвященная Сказанию научная литература весьма внушительна, однако Ф. Н. Веселов обратился к такому аспекту в изучении памятника, который оставался до сих пор мало разработанным. Дело в том, что среди более полутора сотен списков Сказания известно только восемь снабженных обширным циклом миниатюр. Хотя о лицевых списках произведения уже высказывали свои соображения авторитетные ученые (Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев и др.), автор рецензируемой работы впервые предложил монографическое исследование этой важной части в рукописной традиции Сказания. Причем лицевые списки становятся в работе Веселова объектом комплексного анализа, т. е. впервые дается сплошное – картинка за картинкой - сопоставление изобразительного ряда во всех восьми списках, исследуется процесс развития архетипа иллюстрированного Сказания, отразившийся в уцелевших репликах, реконструируются отдельные составляющие этого архетипа, особое внимание уделяется наиболее важным для истории памятника и одновременно наименее изученным представителям традиции, предлагается исторический и иконографический комментарий к иллюстрациям, высказываются новые

09/2-186 от 12.09.2018

соображения о датировке и локализации как самого текста Сказания, так и возникшего вскоре архетипа его лицевых списков. Сказанным определяется актуальность избранного диссертантом предмета исследования и сразу же выявляется новаторский подход к разработке соответствующего материала.

Композиция диссертационной работы Веселова видится логичной и соответствующей целям, которые преследует соискатель, сосредоточившись на лицевых списках Сказания. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, наконец, из двух приложений. Во введении, после традиционного историографического обзора, который демонстрирует, между прочим, существенные пробелы в работах предшественников диссертанта, и краткой характеристики источников (кроме восьми лицевых списков Сказания, сюда относится посвященный Куликовской битве цикл миниатюр в Лицевом своде, а также древнерусские книжные иллюстрации к другим памятникам исторического повествования), автор в общих чертах знакомит читателя с проблематикой своего исследования. В гл. 1 предлагается сопоставительный анализ лицевых списков, отличительной чертой которого является исчерпывающий охват всех без изъятия сохранившихся миниатюр. Такая широта охвата позволяет исследователю восстанавливать механические утраты отдельных рукописей через сравнение их с родственными списками. В итоге Веселов присоединяется к мнению прежних исследователей (в частности, Дмитриева), считавших, что все имеющиеся списки восходят, через промежуточные звенья, к единому архетипу. С особой тщательностью разбираются показания двух списков. Это, прежде всего, Лондонский список (Yates Thomson, No. 51), который фактически впервые вводится соискателем в научный оборот (поскольку раньше специалисты имели ограниченный доступ к рукописи, кроме того, они не могли изучать в совокупности Сказание и некогда предшествовавшую ему в кодексе, а потом отделенную от блока «Сербскую Александрию», которая попала в Дублин - Chester Beatty Libr., W151). Веселов, как и первооткрыватели Лондонского списка, считает его неумелой копией с оригинала, который, в отличие от других списков, был максимально приближен к архетипу. Второй список, который, полагает Веселов, не удостоился раньше должного внимания, находится в собрании Уварова, № 999а. Как показывает исследователь, своеобразие миниатюр этого списка позволяет выделить его в качестве представителя особой («Старопечатной») группы. Новые и важные сведения удалось собрать и относительно некоторых других списков, например, того, что находится в собрании Барсова, № 1798. Диссертант убедительно доказывает, что этот именно список принадлежал Архангельской духовной семинарии, между тем как долгое время семинарский список считался утраченным (с. 201-206).

В гл. 2 подробнейшим образом разбирается иконография целой серии миниатюр, некоторые сюжеты и детали сопоставляются с аналогичными изображениями в памятниках средневекового христианского искусства Востока и Запада, в том числе в книжной графике, станковой живописи и др. Круг привлеченных для сравнения источников очень обширный, причем такое сравнение позволяет иногда выдвинуть довольно остроумные идеи о происхождении отдельных элементов в лицевых списках Сказания (ср., например, на с. 126-129 о вооружении нечистой силы). Очень тонкие наблюдения касаются неуловимой грани, в большинстве случаев отделяющей изображенные на миниатюрах предметы от их реальных прототипов, благодаря чему этим

